

Ю. Простаков

**СКАЗКИ
ПОД ОПАВШЕЙ
ЛИСТВОЙ**

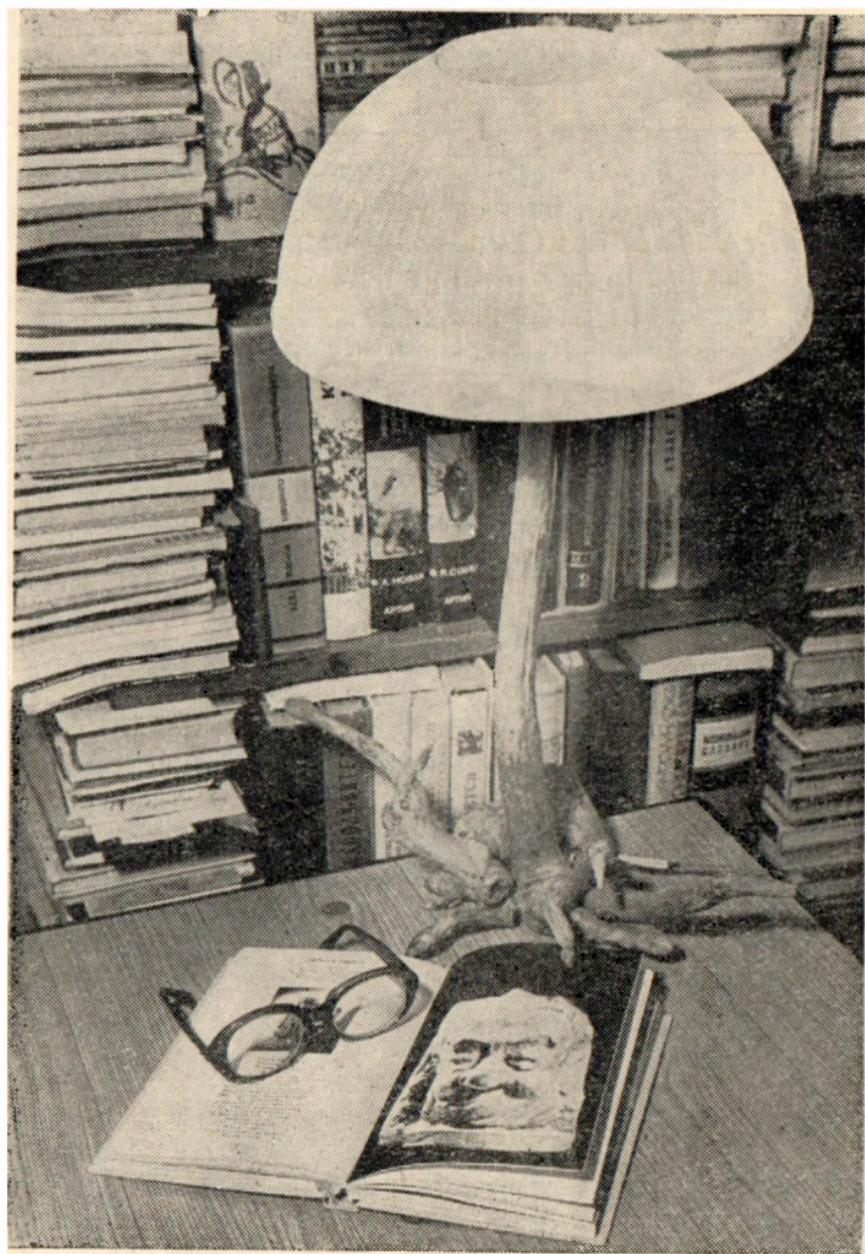
ПОДРОСТКУ — ЧИТАТЕЛЮ ЭТОЙ КНИГИ

Может быть, тебе приходилось читать книги Пермского издательства, посвященные разным увлечениям: рыбалке (А. Волков «С удочкой по рекам и озерам»), фотоохоте (Л. Грехов «Черное и белое»), решению кроссвордов, задач, головоломок (Ю. Никитин «Забава — всему приправа»).

Книга, лежащая перед тобой, даст работу и рукам, и голове. Написал ее инженер Юрий Николаевич Простаков. Он любит бывать в лесу, ищет там причудливо искривленные сучки, обломки деревьев. Из них получают забавные и полезные поделки.

А чем ты занимаешься в свободное время? Напиши.

Наш адрес: 614000, Пермь, ул. К. Маркса, 30, Пермское книжное издательство.

Ю. Простаков

СКАЗКИ
ПОД ОПАВШЕЙ
ЛИСТВОЙ

ПЕРМСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1982

Рецензенты

А. Домнин, М. Петухов

**ПОЧУВСТВУЙТЕ
КРАСУ
ПРИРОДНЫХ
ФОРМ!**

«Во всех видах искусства необходимо самому испытать те ощущения, которые хочешь вызвать у других...»

Стендаль

Среди газетных объявлений, на афишах можно встретить приглашение посетить необычную выставку. Такие выставки открываются во многих городах нашей страны довольно часто. В их названиях обычно присутствует слово «лес» — «Диковины леса», «Лесные сувениры», «Лесная скульптура», «Подарки леса», «Лесные фантазии»... Иначе и не может быть, ведь исходный материал и в самом деле лесной. Сучки, корневища, шишки, ветви, остатки стволов и пней — вот из чего сделаны экспонаты этих выставок. Найденные в лесу, они превратились в фигурки зверей и животных, в фантастических чудищ или в оригинальные вазы, подставки, пепельницы. Живут теперь под крышей в доме и, наверное, вспоминают о своей прошлой лесной жизни. Отыскать «сырье» может каждый любитель природы, стоит лишь внимательно смотреть под ноги и шевелить иногда палкой опавшую листву и хвою: а не спрятался ли там необычной формы сучок, не выглядывает ли загадочный корень?

«Кажется невероятным, что весь этот лесной «мусор», который даже на топливо-то не всегда годится, помогает почувствовать красоту природных форм и бы-

вайт нужен для необычайного, редкого занятия — скульптуры из корней», — пишет художник А. Лаптев в своей книге «Лесные диковины».

Удивленные, заинтересованные, ходят по выставке взрослые и дети. Глядят на чудеса во все глаза, спорят, на что похожа та или иная фигурка, придумывают им свои меткие названия. И оставляют в книге отзывов восторженные записи:

«Как в сказке побывали!»

«Хотим, чтобы такие выставки проводились чаще».

«Пусть эти чудеса с каждым годом увеличивают числом наши дети».

«Выставка воспитывает умение видеть прекрасное, художественный вкус, любовь к природе».

«Спасибо за доставленное удовольствие»...

А вот эта запись повторяется особенно часто:

«Так хочется перенять подобный опыт!»

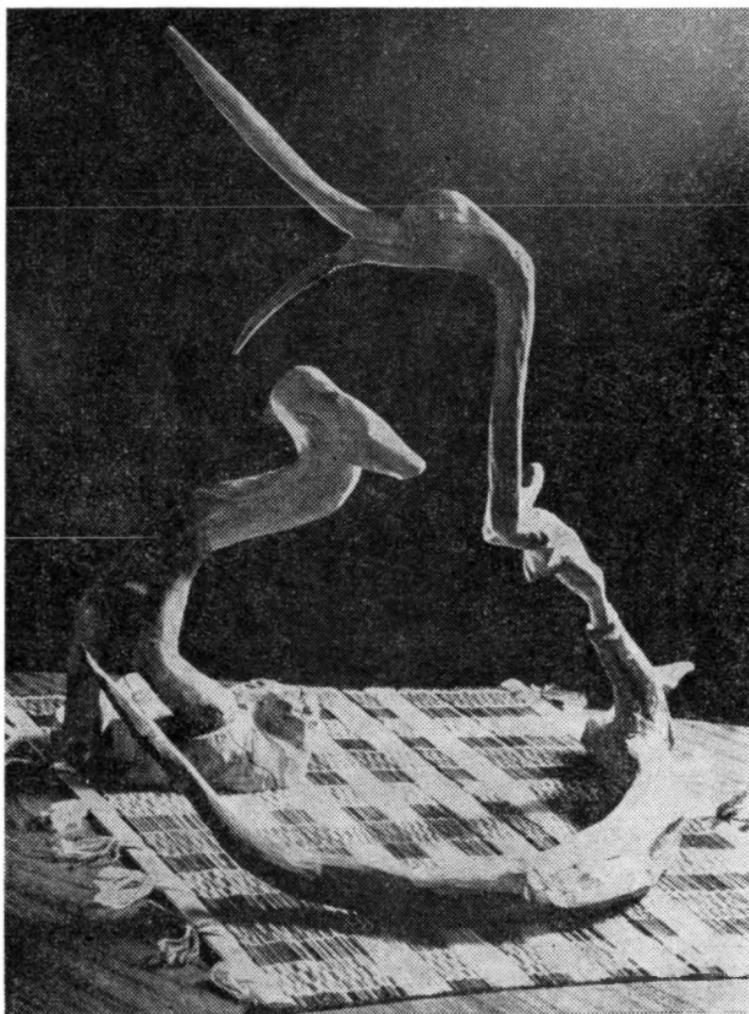
Что же мешает? Не раздумывайте, подходите, спрашивайте. Любой участник выставки — а люди это разного возраста, разных профессий — с удовольствием поделится большими и маленькими секретами своего любимого занятия, расскажет историю каждой поделки, позовет к себе домой, где — будьте уверены! — число этих поделок значительно превосходит количество экспонатов на самой представительной выставке...

Вот и я приглашаю вас к себе. Покажу все, что сделал, расскажу все, что знаю. Только поймите меня правильно: речь пойдет не о том, как хороши мои поделки (я-то знаю, насколько многие из них несовершенны), а о том, как прекрасно само увлечение «корешковой скульптурой», как наполняет, духовно обогащает оно жизнь. И о том, как приобщиться к удивительному этому занятию. Ну, что же вы медлите у порога? Милости прошу, не стесняйтесь!

Вот первая диковинка, которую подарил мне лес, — «Голова оленя»...

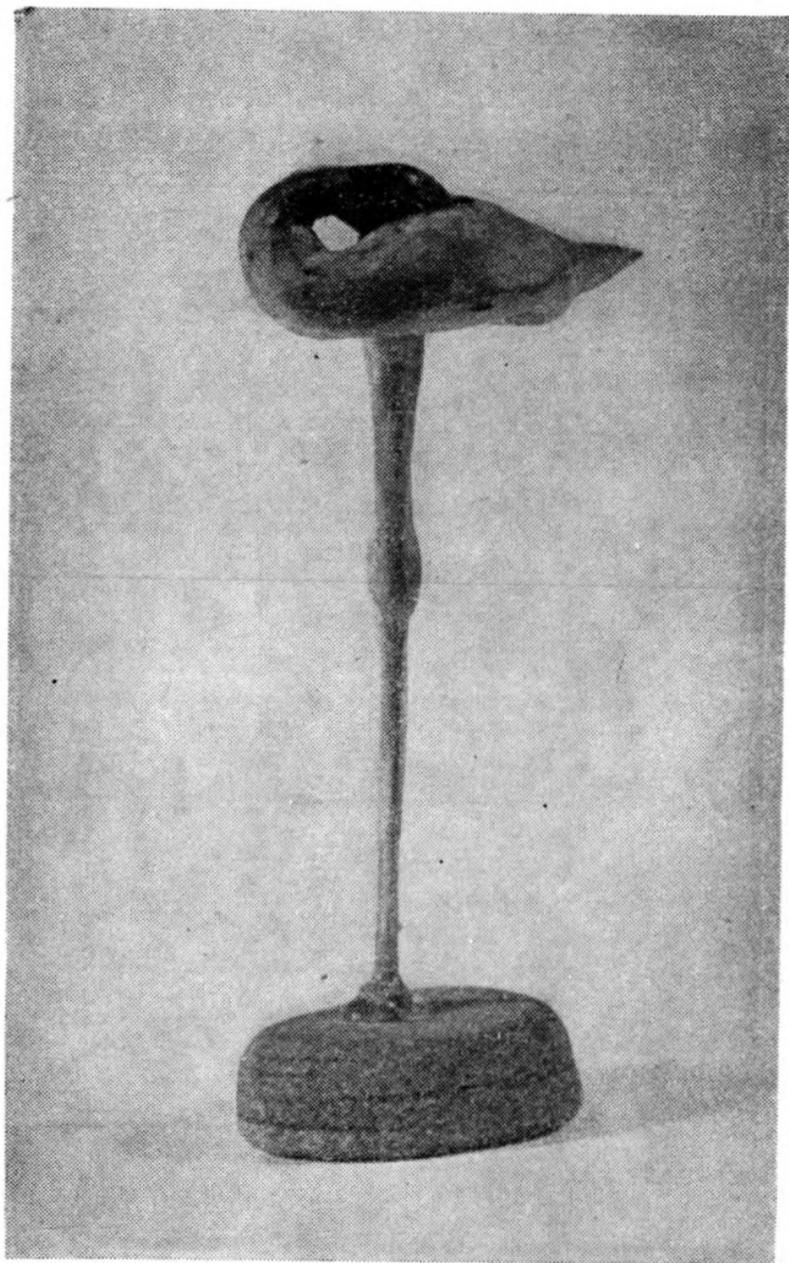
Помню, как зародился во мне интерес к этому делу. Однажды в Москве заехал к знакомым и был потрясен: на белой, совершенно голой стене гостиной висела большая сухая ветка замысловатой формы. Стена уже не казалась пустой, и удивительное настроение излучалось вроде бы неприятной веткой — столько изысканного благородства таилось в этом неожиданном укра-

шении. Шло время, но ветка нет-нет да и вспоминалась мне, и все больше хотелось иметь что-либо подобное у себя дома.

Что испугало «Кричащую птицу»?

И вот как-то раз, отдыхая на берегу реки Бабки, присел я на пенек. Осмотрелся и увидел совсем близко длинную ветку с двумя отростками посередине. Поднял ее, место с отростками выделил, ограничил ладонями, и показалось вдруг, что проглядывает вроде бы оленья голова — стоит лишь убрать лишнее. Перочинный нож

«Фламинго» — воплощение спокойствия и невозмутимости.

всегда под рукой, взял ветку и быстро вчерне «освободил» головку. Образ тут же выявился.

За этой поделкой пришла вторая, третья, и теперь их много, но первая находка запомнилась навсегда, как все, что бывает в жизни впервые.

А вот «Кричащая птица». Чем она встревожена? Топорщится крылышко, клюв раскрыт до предела. Что испугало ее? Может, рядом гнездо и она видит неведомую нам опасность? Как же не кричать, если в опасности дети!..

Эта скульптура почти не потребовала доработки — так, слегка, — перочинный нож убрал маленькие несоответствия, и все. Даже подставка не понадобилась.

Вот «Фламинго». Это был сухой, длинный, почти без ответвлений корешок. Настолько обычный, что чуть было мы его вообще не выбросили. Но затем (через много дней!) привлекло внимание то место, которое потом стало изогнутой шеей со спрятанной под крыло головкой.

В лесном «мусоре» часто уже заложена идея. Ее и нужно выявить, работая в соавторстве с природой. Нет, наверное, более бескорыстного, честного соавторства, чем это.

Что предлагает нам лес? Всевозможные фигурные, сложные наросты на стволах деревьев; уродливые, скрученные, искривленные корни, сучья и ветки; изъеденные остатки стволов и пней. Вот тот благодатный материал, который питает наше воображение.

Сергей Тимофеевич Коненков описывает, как он нашел пень, из которого потом получился старец «Космос»: «Следя за полетом дальних светил, в кромешной тьме я наткнулся на массивный, почерневший от времени пень. Весь пень избороздили морщины времени — он был загадочен и прекрасен, как космос, лишь слегка приоткрывающий нам свои дали в ночные часы, когда уйдет за небосклон древнее светило. Бородатый, со сросшимися у переносья бровями, старец «Космос» глядит на людей далеким, манящим взглядом».

Фантастические напластования на поверхности лесного пня вызвали всплеск воображения художника. Его взгляд все время искал необычное и нашел то, мимо чего другой прошел бы равнодушно и уж, конечно, без каких бы то ни было космических мыслей...

У КАЖДОГО СВОЙ ПУТЬ

«И вот попала чурка как живая. Смотрю на нее и чувствую, будто кто-то на меня оттуда, подзадоривая, подглядывает...»

С. Т. Коненков

Нет общих, годных на все случаи правил, как делать, как подарить себе лесную сказку. Каждый вырабатывает свой почерк, свой подход. Поговорим о возможных направлениях, которые выбирают для себя любители лесных чудес. Итак, вы нашли диковину в готовом виде, когда природа не требует соавторства, да и не надо его ей навязывать. Пусть эта заготовка сразу будет законченным сувениром. Ведь она так похожа на... что? На «Хитрого лиса», например. Его единственный родитель — лес.

К этой лесной скульптуре нож не прикасался совсем, ни одной бороздки, ни одной выемки на ее теле не сделано инструментом. Под одну из лап пришлось подклеить кусочек коры для устойчивости. Но это не доработка, подставка — всего лишь необходимое дополнение.

Порой даже не верится, что природа сама смогла все так «придумать»: у лиса пушистая грудь, узкая хитрая мордочка, передние лапы разведены в стороны. Очевидно, что-то говорит он сладким голосом невидимому собеседнику...

Некоторые из любителей лесной скульптуры и выбирают для себя такое направление: нашел (обрадовался!), очистил от всего лишнего и поставил дома на полку.

А вот «Хитрый лис». К нему не прикасался инструмент. Лишь одна из лап удлинена подставкой — кусочком коры.

Другие идут не таким путем. Они имеют дело с лесными произведениями, каждое из которых чуть-чуть не завершено. Идея в нем заложена и сформулирована — ее видно, но как на плохо проявленной фотографии. Следовательно, надо «допроявить» сюжет, доработать

лесной подарок. Представителем такого семейства является у меня «Крокодил Гена». У него нет передних лап, таким уж его сотворил лес. Но это не страшно. В-первых, не очень заметно, во-вторых, для лесной диковины это совсем не обязательно — чтобы были все лапы. Лес сделал основное, мне же осталось наметить плоскую франтоватую фуражечку да обозначить пасть. Зато он такой же добродушный, с приятной крокодильской улыбкой, и стоит на полочке без всякой подставки, на собственных ногах.

Часто бывает достаточно одного штриха, чтобы диковина обрела свое лицо, заговорила в полный голос. Находки такого рода редко попадают на глаза, но, если повезет (а везет внимательным), как приятно чувствовать, что сама природа приглашает тебя в соавторы, и хочется откликнуться на это приглашение, взять в руки нож и убрать лишнее — фигурка обретает задуманную похожесть и сохраняет свою неповторимость.

Еще один пример — «Олененок». Он почти в первоначальном же виде и был найден. Здесь, можно сказать, почти нет соавторства, просто небольшая дружеская помощь главному скульптору — природе. У «Олененка» задорный вид. Так и кажется, что взбрыкнет он сейчас и, покинув подставку, заскачет по столу вприпрыжку, бочком, как умеют это делать олениа только в раннем детстве...

Интересна в конструктивном отношении «Взлетающая птица». Она составляет одно целое с деревом. Сам ствол расположен на треугольной дощечке. Птица расправила крылья. Хочет взлететь, и чувствуется, как тяжело ей вначале поднять свое тело, оторваться от ветки.

Две рядом расположенные фигурки — «Утка-мама и сын-утенок». Мама большая и, кажется, обрела уверенность в жизни — обходится без подставки, стоит прочно и солидно. Утенок маленький, его еще нужно поддерживать: кусочек сосновой коры — его опора. Утенок бойкий и непослушный: задрал вверх и клюв, и хвостик. И утка, и утенок сделаны тоже из целых корешков.

Как видите, наша коллекция состоит главным образом из целых фигурок — это основное направление в работе с лесными сувенирами, которое мы выбрали для себя.

А есть еще один путь: фигурку собирают из разных

частей, найденных в лесу. Вот, например, «Пляшущий заяц». Взобрался заяц на пенек и пляшет: одна лапка носком упирается в пенек, другая — очевидно для равновесия — отведена в сторону, уши подняты вверх и почти слились.

Как рождалась эта маленькая композиция? Вначале нашелся сам заяц, сразу попавший на «воспитание» к перочинному ножу, который подправил ему лапки, головку. Долго не было подходящей подставки, и он лежал до поры до времени в картонной коробке рядом с другими подобными «полуфабрикатами».

Потом обнаружился пенек, но оказалось, нет у пенька устойчивости. Затем уже нашлась, на первый взгляд хрупкая, но очень прочная, изгибная коряжка, которая и стала основанием всей композиции. На ней пенек, на пеньке заяц... Но, чувствую, ансамбля еще нет. Взял и пристроил у пенька юркую ящерку. Теперь все в порядке.

Некоторая абстрактность поделок, их прямая зависимость от субъективности авторского взгляда приводит иногда к тому, что мнения зрителей могут расходиться (да и от решения автора отличаться). Вот как в случае с этим зайцем. Зайцем? Но кое-кто видит на пеньке не зайца, а... Чиполлино.

Бывает, находишь нечто, что и диковинкой назвать нельзя: слишком многого не хватает. Но ты мысленно дорисовываешь, добавляешь недостающие части, и перед внутренним взором возникает законченная фигура. Теперь, чтобы перенести ее в осязаемую форму, есть только один выход — постепенно найти в лесу недостающие этому образу детали. Это еще один путь в увлечении лесной скульптурой. Если вы, например, отыскиали коreshок, очень напоминающий голову известного животного, то нужно найти туловище, лапы, хвост и т. д. В итоге — поделка, собранная из нескольких частей, найденных в разное время и в разных местах. Процесс длительный, отдельные части могут месяцами ждать друг друга, но торопиться не следует.

Вот, например, как художник Алексей Михайлович Лаптев, автор книги «Лесные диковины», делал составную лесную скульптуру.

Как-то в парке дома отдыха он нашел корешок, похожий на лося. Но что за зверь, если у него нет голо-

вы? Надо было искать остальное. «Захватив с собой находку, — рассказывает художник, — я стал искать голову и рога. Для этого потребовалось время.

Много обломков корней попадалось мне — и все не то. Нашел огрызок сучка, напоминающий голову лося, но без массивной верхней губы. Пришлось отыскать и приделывать губу. Найти рога было не так уж трудно. Разветвляющиеся корешки, напоминающие рога оленя или лося, встречаются довольно часто.

У лося было только три ноги — две передние и одна задняя. Тут я решил ничего не доделывать, оставил лося на трех ногах. Мне казалось, что этот недостаток совершенно не мешает ему казаться четвероногим животным».

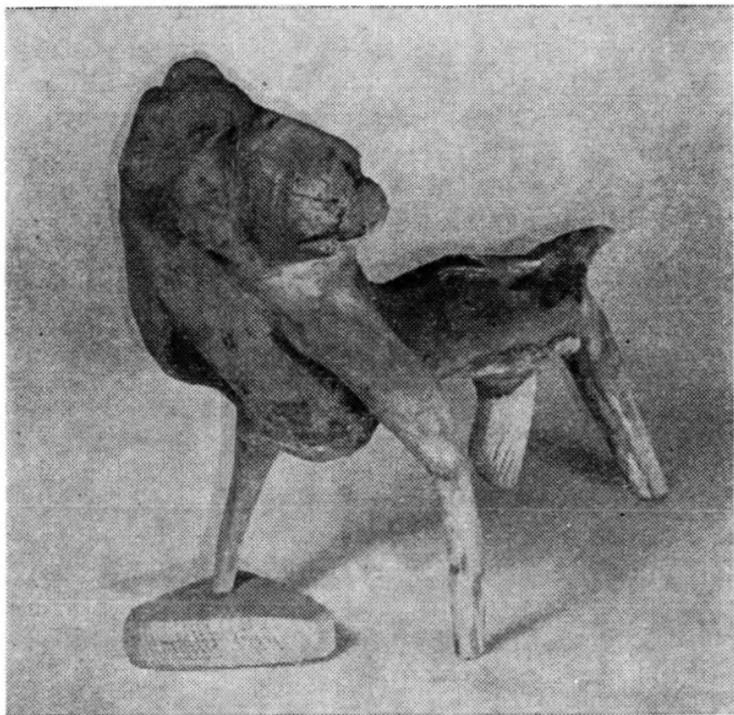
Недосказанность, недоделанность (три ноги вместо четырех), которую разрешает себе природа, не мешает воспринимать скульптуру в ее завершенности. У моего «Олененка» даже не три, а всего две (!) ноги, но разве от этого он стал хуже? У «Зайца» совсем нет передних лапок, однако они как-то подразумеваются. Во всяком случае, отсутствие их не мешает воспринимать композицию в целом.

Я сказал, что общих правил нет, и, кажется, ошибся. Есть, есть однако такое правило: не приступайте, пожалуйста, к работе, пока в вашем воображении не сложился готовый образ. Не ровен час, вы, торопясь убрать лишнее, уберете нужное — и поэтический образ исчезнет навсегда. Срезая что-то, все время контролируйте себя, смотрите, как срез повлиял на сюжетную окраску заготовки, с какой стороны проявил ее.

Здесь уж действительно: «Семь раз отмерь — один раз отрежь». Советую не сразу убирать какой-нибудь сучок, а постепенно. Никогда не забывайте, что вы не единоличный изготовитель сувенира, а соавтор. Поэтому не надо стремиться соблюсти пропорциональность отдельных частей, сделать «как настоящее». Имейте уважение к «задумкам» природы.

Лесные диковины стилизованы природой именно под диковину, этим они и привлекательны. Если одна лапа у зверюшки короче другой или крылышко птицы «растет» не на том месте — пусть так и будет, это не дефект, но «решение» природы, и это, поверьте, красиво, своеобразно, оригинально. Подражание образцу в данном слу-

чае может создать впечатление отнюдь не красоты, а лишь красоты, которая, по словам режиссера Всеволода Мейерхольда, является «самым страшным врагом красоты».

Лев или пудель?

Вот еще фигурка — «Морской конек». Если кто-то из вас видел конька в книжке или живых настоящих коньков, то легко заметит некоторые несоответствия между натурой и нашим деревянным «страшилкой». У настоящего морского конька хвостик закручен спиралькой вперед, у нашего же тело выгнуто в другую сторону. И рожки — только у нашего. Но фигурка все равно не что иное, как морской конек. Весь облик ее говорит об этом. Не в ту сторону изогнулся — что из этого? А рожки, как корона на голове, придают ему сказочный вид.

Или вот очередная лесная находка. Еще пример фигурки с неоднозначностью облика. Мы всей семьей долго размышляли: как все же ее назвать? С одной стороны она похожа на гривастого льва. Повернешь немно-

го — пудель Артемон, недавно посетивший парикмахерскую. Как-то пришли ребята из школы посмотреть нашу коллекцию, долго рассматривали фигурки, а мы спрашивали ребят, как бы они сами их назвали. Про пуделя-льва было дружно сказано: «Лев».

Пуделя-льва можно было бы, поработав ножом, превратить либо точно в льва, либо в пуделя, чтобы уж не было ни у кого сомнений. Но нужно ли это? Пусть диковина пленяет не полным своим натурализмом (да и можно ли им пленять?), а некоторой загадочностью. Почему бы не оставить зрителю возможность самому домыслить образ, выявить свое собственное мнение, пофантазировать? Кусок дерева вполне может иметь неясный образ — в этом одна из особенностей лесной скульптуры. Смотришь с одной стороны — похожа на... не успеешь уловить на что, как, повернув диковину другой стороной, опять усматриваешь похожесть, но уже иную. Каждый видит в силу собственного воображения, у каждого фантазия идет своей тропинкой. Поэтому подчас надо остановить, задержать руку с инструментом...

Заготовка лежит порой долго — месяц, два, а то и целый год. Проходит столько времени, сколько надо для того, чтобы созрел, укрепился интерес именно к этому корешку. И как бывает радостно, когда «вылежавшаяся» диковина сказала свое имя и этот, окончательно проявившийся, ее облик гораздо живее, лучше того первоначального, который хотелось немедленно воплотить. И так хорошо, что не поторопился, иначе сделал бы ошибку. Ведь образ в то время не был додуман, он находился в пути — у каждого корешка своя конечная остановка, и нужно ее обязательно дожидаться. Зато потом фигурка займет свое место на полке, смешается с другими, уйдет из поля зрения — мысли уже тянутся к иной, еще не сделанной. И снова начинает трепетать душа от взгляда на еще не поднятый, не взятый в руки, грязный, с налипшей листвой корень.

Сбросишь пожухлые листья, очистишь заготовку. Прикоснешься к ней ножом: вырежешь гниль, осторожно, бережно прояснишь неведомый пока лик, стихийно сформированный природой... Но все это потом, а вначале был первый миг — грязный, лежащий на земле корень и взгляд, устремленный на него.

НЕ ТОЛЬКО СКАЗКИ...

«Я начал импровизировать. И вдруг ясно увидел то, чего до этого не мог даже предположить в этом бросовом куске дерева».

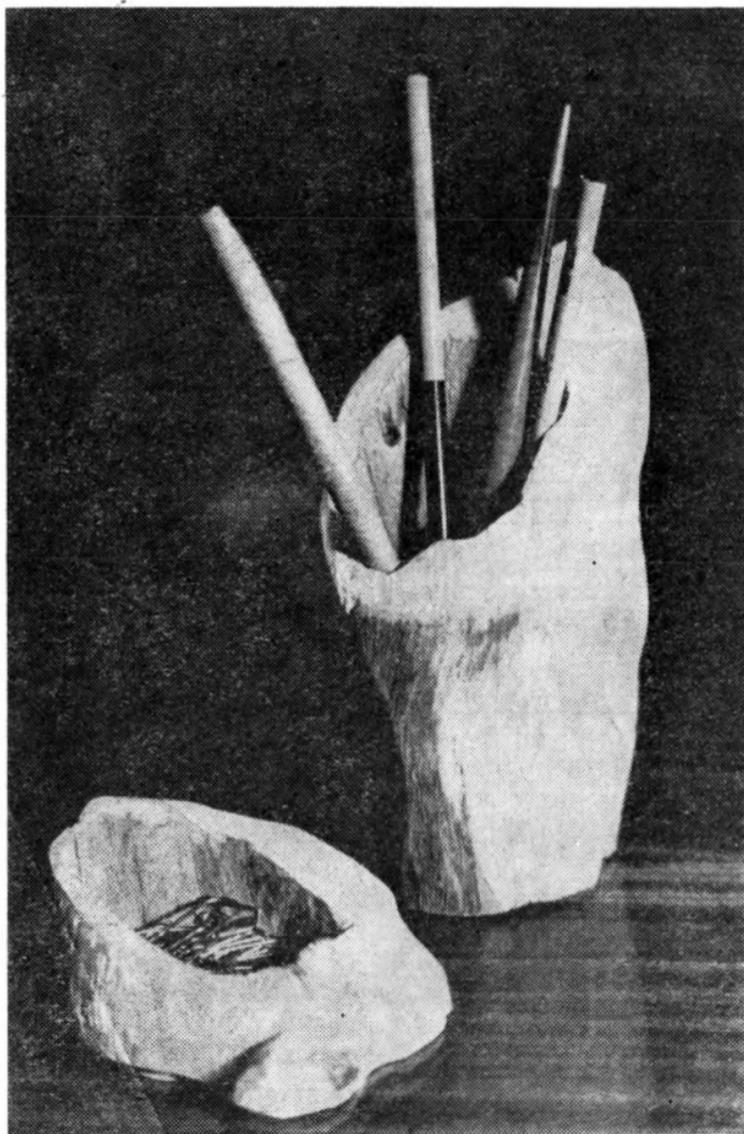
Виктор Гончаров

Однажды во время прогулки в лесной балке нашелся корешок вроде бы и ни на что не похожий, но потом подумалось: «А ведь из него может получиться настольная лампа!»

Перочинный нож сделал свое дело, убрал то, что мешало, — и в самом деле вышла лампа. Она получилась похожей на подсвечник. Средний, наиболее мощный и длинный отросток корня — стержень. На нем патрон, абажур. Два боковых отростка — поменьше, в них высверлены отверстия для ручек и карандашей. С тыльной стороны лампы — кнопка выключателя. Лампа стоит на столе и несколько лет исправно светит, она уникальна, как и любое изделие из лесного корешка. Каждому ясно: природа не терпит повторений.

Это была первая лампа. За ней появились другие, и сейчас их целое семейство — разных по размерам, не похожих друг на друга. Вот одна из них: это корень, его ответвления повернуты в одну сторону, как головы Змея Горыныча. Я так и оформил их — в виде зменных головок.

Среди лесных светильников есть лампа-ночник из отрезка тонкого березового ствола. С него даже не убрана кора. Только ствол просверлен насквозь, чтобы про-

Из совершенно, казалось бы, несуразных кусков дерева получился канцелярский набор.

пустить провод, да сбоку, как и положено, на стволе примостился дятел. Подставка, электрическая кнопка — и ночник «Дятел» готов.

Можно изготовить вещь размерами и побольше. Например, торшер. Его основание — треугольная лакированная доска (сама она на маленьких ножках), в центр которой вделан отрезок ствола березы, опять же с неочищенной корой. Вверху — другая лакированная дощечка, а уже на ней и располагается корень-лампа. Основание и верхняя дощечка очень удобны, мы кладем на них газеты, очки и другие мелочи.

Понятно, не только лампы и торшеры можно принести из ближнего леса. Одна наша замысловатая коряжка стала вазой для цветов. В ней стоят сухие бессмертники, привезенные с юга. Представители растительного мира разных широт удачно дополняют друг друга.

Есть у меня и деревянный истукан с проволочным венчиком над головой. Он имеет свою, вполне определенную профессию — «работает» антенной для приемника...

Наши диковины живут. Одни просто украшают жилище, другие украшают и работают. Каждая из них хранит память о прошлых лесных временах, а теперь довольна, что в своей новой городской жизни приносит радость людям.

Сделанные своими руками торшеры, вазы, конфетницы обладают волшебным свойством: электрические лампочки светят более ярко, цветы дольше источают аромат, яблоки становятся вкуснее, а конфеты слаще!

«ДРОВАМИ ЗАПАСАЕТЕСЬ?»

Пусть ни грибов, ни ягод в лесу —
Он все равно хорош.
Каждое утро что-то несу
В дом из окрестных рощ:
Чаги кружок,
Черенок для ножа,
Корень, охапку дров,
Шишку, похожую на ежа.
Песню, пока без слов...

Александр Яшин

Пора отправляться в лес на поиски диковин, на охоту за фантастическими сюжетами.

«Этот случай в Сочи произошел. Очередь в аэропорту стоит: аэропассажиры аэробагаж взвешивают. Веселый грузин на большие весы их ставит, квитанции пассажирам выписывает. И вдруг парень в берете, пыхтя, огромный перевитый корень, как удава, на весы взгромождает. И сразу стрелка весов на три пуда прыгает.

— Не понимаю, кацо, зачем дрова на весы ставишь! Чемоданы давай.

— Нет чемоданов, — парень говорит. — Я корень везу.

— Куда корень везешь?

— В Москву везу.

— Зачем дрова в Москву везешь?

— Какие же это дрова? Неимоверной красоты корень. Скульптура...

Оттаскивает парень в берете корень огромный в сторону, влюбленными глазами на корень глядит»¹.

А вот еще:

«Когда я несу с прогулки связку причудливых корней, часто слышу шуточные замечания прохожих: «Дровами запасаетесь?»².

Мне знаком этот вопрос, потому что сам часто слышу подобные реплики, когда несу из лесу драгоценный груз.

Драгоценный не только будущим своим, заложенной в нем возможностью воплотиться во что-то небывалое доселе, но и своим прошлым: совсем недавно он был лесом, частью огромного живого организма.

Обычные, давно примелькавшиеся слова: «Лес — наше богатство! Берегите лес!» Они написаны при въезде в любое лесозаготовительное хозяйство, вдоль шоссе и железных дорог. Мы так привыкли к ним, что порой и не замечаем вовсе. Забываем, что лес можно ранить и даже убить, свести, что он может болеть, а значит, его надо лечить. Забываем и о том, что нет лучшего для здоровья леса лекарства, чем бережное к нему отношение.

Еще Ярослав Мудрый издавал строгие указы, суровые наказания обидчикам леса — за рубку в неподобающем месте, за любой — злонамеренный ли, случайный ли — поджог. В более близкую к нам эпоху Петра I также было немало государевых указов, непосредственно касающихся охраны лесов. В частности, запрещалось сводить лес по берегам рек и рубить без особого позволения редкостные породы. За пренебрежение к указам петровские наказания известны... В нашей стране существуют «Основы лесного законодательства Союза ССР и союзных республик», принятые Верховным Советом СССР в 1977 году.

Природа нуждается в охране и защите. С потерей одного только вида высших растений наша голубая планета становится чуть бедней. Поэтому и существуют Красные книги, где перечислены растения, нуждающиеся в охране. Если список в Красной книге растёт, дело плохо; уменьшится хоть на одну строку — здорово. Значит, какое-то растение теперь вне опасности.

¹ Жукова А. Природа и фантазия. М., 1971.

² Лаптев А. Лесные диковины. М., 1961.

Я уверен: не может быть врагом природы, не может вести себя по отношению к ней жестоко и непорядочно человек, который любит дерево живое, растущее, который берет у дерева, у леса лишь то, что для жизни им уже не нужно.

Вот и мы идем в лес за тем, от чего он легко может отказаться, — и только. И конечно, за радостью — радостью общения с живой природой, с красотой и неисчерпаемой загадочностью этого мира. Здесь осыпается с нас шелуха нашего полужнания и часто обнаруживается, что плохо знаем мы родную природу. Особенно горожане. И снова вспоминаются строчки стихов Александра Яшина:

Стоит в лес углубиться —
И уже как не дома:
Словно мы за границей —
Незнакомые лица,
Языки незнакомы...
Как слепые, плутаем
Будто глухи от роду.
И еще утверждаем,
Что мы любим природу...
И с деревьями тоже:
Роща в общем и целом...
Ель от пихты не можем
Отличить, грешным делом.

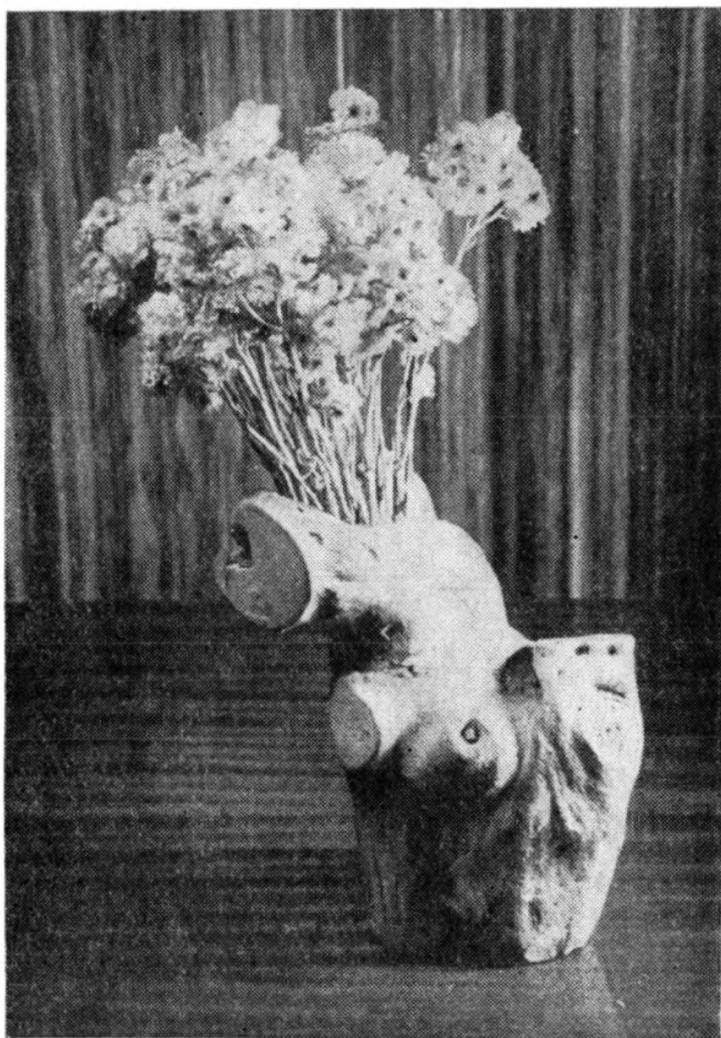
Надеюсь, что вы мягкую пихтовую лапку отличите от колючей еловой, а лист березовый — от осинового. Но давайте вместе вспомним, какие деревья встретятся нам в уральском лесу.

В народе говорят: «Сердце здорово, если изба елова». Ель — изящное дерево. Его крона — правильный конус. Выросла елочка стройная — значит, никто не обломил ей прежде верхушку. Стоит сломить ее у молодого деревца, и оно вверх расти уж никогда не будет. Вместо красивого дерева — разлапистый уродец.

Кажется, что елки всегда были на земле, сколько сама она существует. Но таежная елочная щетка покрывает европейскую землю всего-то (для истории Земли это миг) десятки тысяч лет. Ель имеет древесину светло-желтого цвета, мягкую и легкую, по прочности, правда, уступающую сосновой.

Сосна — жемчужина северного леса. Из прямых сосновых стволов всегда рубили дома и делали мебель. Не перечислить всего, что делают из сосновой древесины.

Сосна умеет сама заботиться о своем здоровье — заживает собственные раны с помощью ароматной смолы, очень сложной по составу, — живицы.

Ваза из айланта — китайского ясеня. Она вызывает ощущение солидности, «важности»...

А вот это дерево назовите мне сами. Отвечайте-ка на вопрос: «На чем держится Венеция?» Правильно, на лиственницах. Фундамент уникального города — четыреста тысяч лиственничных свай (правда, помимо лиственничных применялись также сваи из ильма — вяза).

А когда их забивали? Еще в пятом веке, и ничего, стоят себе. В воде хорошо сохраняется лиственница, вот и делали из нее водяные мельницы да парусные корабли. Использована лиственница и при строительстве моста через Дунай, остатки которого сохранились со времен Древнего Рима.

Из лиственных деревьев самое распространенное на Урале — осина. Это вид тополя. За постоянно дрожащие на ветру листья так и называется в ботанике — «тополь дрожащий». Осина в некотором роде оригинал. Ей свойственно далеко не обычное явление: осенью она может сбрасывать совершенно здоровые веточки. Следующей весной они обязательно выпустили бы листья. Почему же так безжалостно дерево отторгает их? Вероятно, «прикинув» свои возможности, посчитало, что трудно будет прокормить слишком обильную листву. Умное дерево осина! Древесина ее обладает высокой способностью к окрашиванию: атласно-белая, легкая и мягкая, она хорошо впитывает и краски и лаки. На Руси из нее издавна делали кадки, табуретки, ставили колодезные срубы.

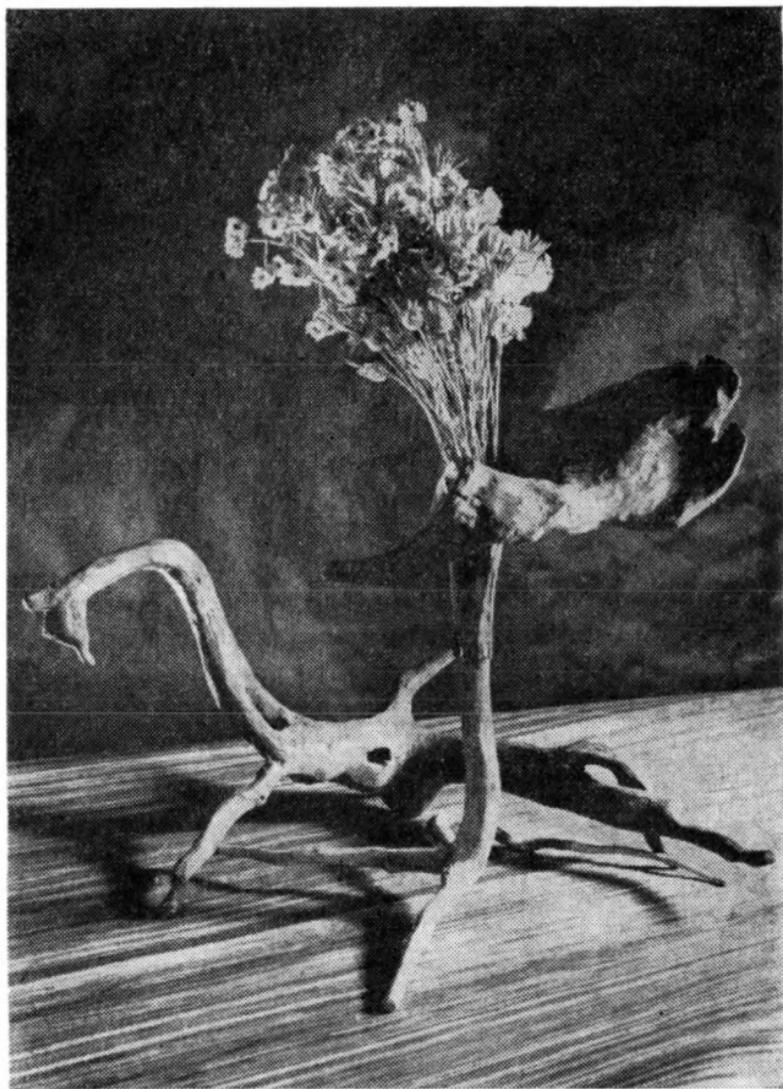
Рядом с осиной упомянем и собственно тополь, отличающийся тем, что растет необычайно быстро.

А вот ольха черная, или клейкая. В ее названии отражены, во-первых, темный цвет коры (у старых деревьев) и, во-вторых, клейкость молодых побегов, почек и листьев. Древесина ольхи легкая, мягкая, и колетса и режется отлично. Только что срубленная, она имеет белый цвет, но затем получает на срезе красноватый оттенок. Очень красива розовая, с шелковистым блеском ольховая древесина, особенно полированная. Не зря из нее делают музыкальные инструменты и выдалбливают посуду.

Береза — едва ли не самое красивое и поэтичное дерево русского леса. И полезное! Живет до сих пор в народе старинная загадка про березу. Не слышали? С одного дерева да четыре угодья: первое — от темной ночи свет (лучина), второе — некопанный колодец (березовый сок), третье — старому здоровью (банный веник), четвертое — разбитому связь (береста).

Еще одна лесная красавица — липа. Стройный ствол, могучая крона. Много пользы от нее людям. Липовое лыко — материал для лаптей, которые выручали кре-

стьянина в любую пору года: не промокали, к тому же были легкими, не то что, допустим, голландская деревянная обувь, вырезанная из чурбачков. Древесина липы — легкая, мягкая, белая и не коробится, когда под-

А в этой вазе мы выявили легкость и стройность.

сыхает. Для резьбы нет лучше материала. Раньше из липы делали всякую посуду, всевозможную утварь. До того хорошо и точно она режется, что в далекие времена из нее умудрялись мастерить поддельные, фальши-

вые печати. Вот, оказывается, откуда пошло слово «липа» в значении «обман», «подлог», «подделка под что-то настоящее». Пострадала, в общем, липа из-за своей податливости...

На юге Пермской области в широколиственных лесах встречаются даже дуб и вяз (ильм) — это северная граница их распространения. Дуб содержит дубильные вещества, причем в значительных количествах, а в воде, речной или озерной, всегда есть, хотя бы в малом числе, соли железа. Если дуб опустить в воду, и надолго, дерево в результате их взаимодействия обретает черный цвет. Из такого, мореного, дуба испокон делали прекрасную и прочную мебель.

Древесина вяза — желтовато-белая, с темно-бурым ядром, она крепка, упруга и обладает высокой вязкостью. Потому мастерят из нее полозья, дуги, обода.

Кленовых лесов в Пермской области немного — всего несколько сот гектаров, клен у нас — в основном растение парковое. Он имеет тяжелую эластичную древесину, хорошо полируется и активно принимает траву.

Любая древесная порода по-своему уникальна, у каждой можно отыскать свойство, присущее только ей.

Дерево — неповторимый материал. Он излучает тепло. Шедевры, воплощенные в металле или мраморе, могут покорять изысканностью форм, но в них нет собственного дереву тепла, там чувствуется внутренний, глубинный холод металла, морозная красота мраморной структуры.

Смог бы жить человек хотя и в красивом, украшенном художественным литьем, но металлическом доме? Такое трудно себе представить... Другое дело — дом деревянный.

Дома сложены из бревен, будто из сгустков спрессованного солнечного света. Как разумно строился деревянный дом: каждое бревно повернуто так, чтобы северная сторона дерева (у нее более плотные слои годовых колец) смотрела на улицу. Такое расположение бревен делало строение долговечным. Тепло в доме сохранялось дольше.

Сейчас трудно себе представить: как с помощью одного топора рубился дом? Даже бревна не пилились поперек, а перерубались. Разве это рационально? Ко-

нечно, пила в данном случае более удобна, но мастер знал секрет и понимал: топором — лучше. Пила как бы распахивает микроскопические оконца (древесные капилляры), и дерево интенсивно впитывает влагу. Топор же оконца прикрывает (от ударов капилляры сжимаются), и влаги попадает несравненно меньше. В этом и секрет. Пристрастие к топору объясняется еще и вековыми традициями, и, главное, тем, что владели русские мастера топором виртуозно.

В Пермской области остались единичные памятники деревянного зодчества — церковь Преображения в селе Янидор, недалеко от Чердыни; деревянная крепостная башня в селе Торговище в Суксунском районе (в настоящее время находится в музее деревянного зодчества Хохловке); храм-башня в селе Пянтеге, рубленая шестигранной от самой земли — уникальное строение. Множество неповторимых изделий из дерева и в музеях. Пермь — обладательница замечательной, не имеющей аналогов коллекции деревянной скульптуры.

И сейчас дерево — незаменимый материал, нет ему равных по красоте и живости, по «человечности». Пожалуй, и впредь ни один искусственный материал никогда не заменит дерева, потому что, родившись из семечка или отростка, выросло оно под солнцем. Оно живое. В любом куске дерева — посмотрите на срез — видны переливы солнечных лучей. На срезе открыта вся жизнь дерева: колечко потолще говорит о хорошем, богатом годе, потоньше — о скудных условиях жизни.

Почему древние люди обожествляли дерево? Они же замечали: дерево растет, расцветает, затем осыпает листву и плоды. И наделяли его прямо-таки человеческими свойствами. Они думали: дерево чувствует боль, плачет (вытекает смола, сок), и, казалось им, обиженное дерево может впоследствии отомстить. Как же было рубить его? Дерево вначале задабривали — делали жертвоприношения, а уж потом с успокоенной совестью брали в руки топор.

Отголоски лесных поверий были живы еще совсем недавно. Например, скрипучее дерево трогать запрещалось: там будто бы мучается (иначе чего бы ему скрипеть?) человеческая душа.

...Много интересного может рассказать лес, но, слушая его рассказы, мы внимательно смотрим по сто-

ронам, оглядываем вывороченные корни, полегшие стволы, сухие ветки.

Где же собирать материал? Где наиболее вероятные месторождения «сказок под опавшей листвой»?

Лес погуще и потаинственней. Речные отмели, где струи воды вымывают корневища прибрежных деревьев или приносят издалека коряги хитроумной формы. Места лесных корчовок, просек, строительства дорог. Старые пепелища.

Благодатны для поиска заготовок болота. Непомерная влажность, удушливые испарения, жалкое подобие почвы — в таких неестественных условиях деревья болеют и плохо растут. Появляются наросты, искривления, на стволах — шишки и шрамы. От мрачной такой жизни даже влаголюбивая ольха кривится. О березе или осине и говорить нечего. Эти уродцы для нас — настоящая находка.

Извивы, утолщения, наросты — все это следы мучительной борьбы с ветром, с соседями, закрывающими путь к солнцу. Чем больше таких следов, тем больше простора для фантазии мастера. Он видит в них не только нужный объем материала, но замечает и хочет использовать те естественные формы, которыми обладают ствол, корень, ветвь.

Прекрасная находка, материал редчайшей красоты — березовый кап, болезненное образование на стволе (стволовой кап) или у корня (капо-корень). Удивительно красиво и крепко это хитроумное сплетение древесных жил.

Издавна мастера, особенно вятские, делали из капа всякие полезные в быту вещи — портсигары, коробочки, шкатулки. И сейчас в Кировской области процветает это мастерство. Однако и среди шедевров есть, в свою очередь, шедевры. Еще в прошлом веке мастер Бронников сделал из капа и пальмы часы. Они хранятся в Музее этнографии народов СССР в Ленинграде. Подумать только: все из дерева, весь механизм, пружина и та не стальная, а из полосочки бамбука! И уместилось все это в кружочек три сантиметра диаметром. Если аккуратно завести часы маленьким ключиком, они начинают идти и показывать время.

Кап бывает не только березовый, болеть могут липа и клен. Величина капов, похожих на какие-то древесные

лимфатические узлы, разная. Есть маленькие, есть большие, бывают и рекорсмены, вес которых достигает сотен килограммов.

Часто кап путают с сувелью. Сувель — тоже нарост на теле дерева, причем встречающийся гораздо чаще. На спиле сувель имеет волнистую, свилеватую структуру. Отличить их можно по такому признаку: настоящий кап насыщен точками (это «спящие» почки), а у сувели их нет. Рисунок капа на срезе составлен сложным переплетением годичных слоев. Они даже переливаются, если изменить угол освещения. Так как у стволового капа почек больше, чем у капо-корня, он выглядит красивее. А главное — все капы по рисунку совершенно разные, двух кусков не найти одинаковых.

В своей лесной жизни «Мудрый старец» был просто пнем-выворотнем.

Желаю, чтобы вам повезло, и когда-нибудь в глухом лесу — только там его теперь и можно обнаружить — повстречалось вам это сокровище — кап.

Очень декоративны грибы-трутовики. Они хороши сами по себе, а если их выдолбить (речь идет о круп-

ных трутовиках), получается сухарница или своеобразная ваза для фруктов. Да мало ли чем можно заполнить красиво оформленный природой объем! Трутовик, особо живописный в первозданном виде, можно прикрепить к стене и сделать, допустим, подставкой для какой-нибудь фигурки...

А вот еще одно «месторождение». Тут и пни, над которыми знатно потрудились насекомые, и поваленные бурей деревья, и недавно сломанные ветви, еще не тронутые тлением.

О, кажется, есть! Что-то уж слишком извивистое и переплетенное, ни на что, на первый взгляд, не похожее. Берешь в руки грязный сучок. Под полуотставшей корой он скользкий, вроде бы мылом намазанный. Отряхнем сучок от грязи, очистим от плесени, осторожно, чтобы не сломать, постучим обо что-нибудь твердое, уберем все, что еле держится. Это делается не только ради того, чтобы просто очистить деревяшку. В это время как бы «проявляется сюжет»: из-под слоя налипшей земли и полусгнивших листьев открывается неправильной формы отверстие (это же чей-то глаз!), или торчащий сучок (это же чей-то хвост!), или переплетение корней, напоминающее буйную шевелюру сказочного персонажа.

Если походить по лесу долго, как правило, всегда найдешь хотя бы одну заготовку, которая вовсе и не заготовка уже, а готовое произведение природы. Но большинство находок, вызволенных из плена опавших листьев, еще не имеют имени, они заставляют думать, они не отдают свою тайну просто так, сразу. Это и есть те «дрова», о которых спрашивают встречные. Мне всегда кажется, что в их вопросах проскальзывает хорошая, добрая зависть, ведь эти привлекательные корешки несут не они.

Ни к чему завидовать, люди! Оглянитесь по сторонам, горожане. Растут в городе деревья. Это значит, что и здесь можно отыскать любопытные корешки.

Кстати, дятел, примостившийся на лампе, — истинный городской житель. И лампа, и дятел найдены в Перми, в Балатовском лесопарке. И торшер тоже.

А вот «Несси». Помните нашумевшие истории о шотландском озере Лох-Несс, где якобы водится доисторическое животное? Мы же нашли свою «Несси» в Перми,

прямо в центре города. Прогуливались однажды в парке имени Горького и заметили сучок в стороне от дорожки. Живописный такой, и размерами не маленький. Мы его вычистили и сделали из этого сучка «Несси». Стоит она с маленькой для своего тела головкой с тонкой и длинной шеей, нелепый ласт торчит в сторону. Портрет, по нашему мнению, довольно точный, тем более что снимки Несси особой отчетливостью не отличаются, и кто может оспаривать, «Несси» это или нет...

Страсть собирательства диковин, коли уж родилась, то не оставляет нигде — ни в близком от дома, городском парке, ни в дальнем южном лесу.

Рядом с «местным населением» мирно живут «чужеземцы», привезенные издалека. Из крымского леса приехал «Мефистофель». Он сделан из граба. Это единственная из наших диковин, глаза для которой мы взяли от магазинной игрушки. Есть в коллекции скульптурки из айланта, китайского ясеня. Одна из них — Айлантовая ваза». Она привезена с восточного побережья Крыма, из мест, которые Максимилиан Волошин на-

«Мефистофель».
Его стеклянные глаза
взяты от магазинной иг-
рушки.

звал «Киммерией» в память о древнем таинственном народе, населявшем это побережье тысячелетия назад. Несколько айлантовых фигурок в нашей коллекции образуют киммерийский цикл...

Однако пора домой. У каждого из нас топорщится в руках живописная связка корней и сучьев. Пока это только «дрова»...

«ЦЕПЬ ПРАВИЛ»
И «НИТЬ
ФАНТАЗИИ»

«Истинное сокровище для людей —
умение трудиться».

Эзон

Лес свою часть работы сделал, и заготовки у нас дома. Теперь надо разобраться с корешками, для начала хотя бы определить: какой из них какому дереву принадлежал. Дело в том, что древесина, как и любой другой материал, обладает различными свойствами. Она характеризуется по цвету и текстуре, вязкости и твердости, способности к растрескиванию и так далее. Эти свойства в итоге и определяют, что из чего можно сделать. Не случайно спички делают из осины и тополя, а карандаши — из кедра.

В специальной литературе приводится классификация древесины по цвету. Она в значительной степени условна, но дает возможность представить ступеньки цветовой гаммы от породы к породе. Например, имеют цвет белый липа, осина, клен, береза, ель и пихта; серый — орех и ясень; светло-коричневый — дуб, груша, орех; розовый — яблоня, ольха; желтый — осина, карельская береза.

Однако по цвету древесины родословную корешка установить трудно. Эта классификация приемлема для только что распиленного дерева, а наш корешок лежал на лесной земле. Сколько? Неизвестно. Может быть,

долгие месяцы. Время не проходит бесследно: действие настоящего на испарениях воздуха, солей, растворенных в почве, солнечной радиации приводит к тому, что дерево меняет и цвет и текстуру. Береза и осина, например, становятся похожими на мрамор. Сучья сосны, пропитанные живицей, приобретают вишневый оттенок, а текстура дуба напоминает рисунок на ткани...

Легче всего определять породу по поперечному или торцевому срезу. Прежде давайте рассмотрим сердцевину. Она имеет, как правило, форму кружка. Как правило, но не всегда. Если вы видите не кружок, а звездочку, — значит, это дуб. У ольхи — треугольная сердцевинка, у тополя — пятиугольная, у ясеня — квадратная. У некоторых деревьев в центре ствола или ветви древесина постепенно отмирает и темнеет. Это темное пятно называется ядром, а древесина, его окружающая, — заболонью. Вот некоторые ядровые породы: дуб, сосна, лиственница, ясень, вяз, яблоня.

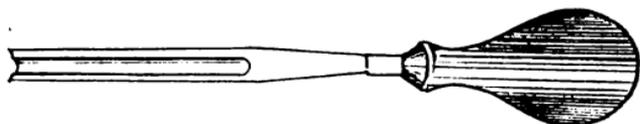
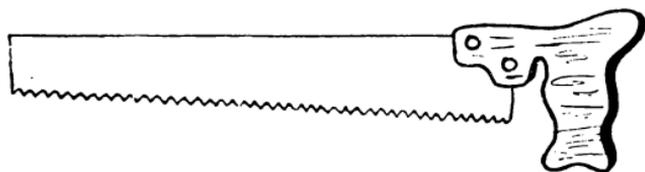
Безъядровые породы делятся на две категории. Во-первых, спелодревесные (пихта, ель), у которых древесина не имеет заметных различий при рассматривании от середины среза к его краю, хотя в центре чуть суше. Во-вторых, заболонные породы (осина, клен, береза, ольха), у которых древесина одинаково влажная везде — и по краям и в центре.

Серцевина окружена концентрическими кругами — годовыми кольцами. Они состоят из чередующихся светлых и темных частей. Светлая часть нарастает весной, а темная — летом и осенью. Кольцо может быть уже или шире. Это зависит, как мы уже говорили, от того, как часты были дожди, была жара или преобладала прохладная погода. Эти сведения, читаемые по годовым кольцам, — память дерева, спил — летопись погоды.

Годовые кольца, вернее, их ширина, характеризуют качество древесины. У хвойных пород узкие кольца, например, говорят о хорошем качестве. У дуба или ясеня, наоборот, чем выше качество, тем кольца шире. На срезе березы часто можно видеть темные пятнышки. Откуда они взялись? Когда-то насекомые проделали себе ходы, которые впоследствии заросли. Оставшиеся следы бурной жизни насекомых служат верным признаком определения древесины: да, это береза. Вообще же признаков определения породы дерева по срезу много. Но

лучший учитель — опыт, умение наблюдать и сравнивать.

Все, что представлено на снимках в этой книге, сделано при помощи одного перочинного ножа. Точнее, почти все. Какие инструменты еще нужны тому, кто занялся корешками?

Самые нужные инструменты.

Может случиться, что прямо в лесу нужно отпилить «сюжетный» сучок или часть большого корня-выворотня. Значит, необходима столярная пила-ножовка, желательно в чехле. Удобен для тех же целей и небольшой топорик. Затем, уже для обработки, желательно

иметь несколько напильников разного сечения и наждачную бумагу различных номеров. Понадобится вам ручная дрель и несколько сверл проделывать отверстия для штырьков, чтобы соединить какие-то части фигурки. Во всяком случае, если попадетесь в магазине набор резчика по дереву, то его надо купить. Но это потом, когда появится небольшая коллекция чудес, сделанных самым обычным инструментом, когда вы почувствуете, что тяга к лесным находкам, возникнув, не исчезает, когда станет привычным запах сучьев, коры, стружек — неповторимый и живой запах дерева.

Кора с заготовок должна быть снята, и притом аккуратно. Некоторые любители кору не убирают, а используют ее в «архитектуре» лесной поделки. Древесина под корой первоначально красива, но и непрочна, повредить ее просто. Если кора снимается плохо, заготовку надо прежде отмочить, и тогда она снимется легко. Но об осторожности все равно не забывайте.

Недостающую часть к основной фигурке крепят при помощи деревянного штыря, но прежде в обеих частях надо просверлить отверстия. Штырь можно смазать столярным клеем.

После того как поработали ножовка и нож, очередь за надфилями, напильниками и наждачной бумагой. Ими оглаживают неровности, делают углубления и канавки, шлифуют поверхность. Надфили, напильники существовали не всегда. Как же шлифовали поверхность дерева в давние времена? Одним из известных тогда способов (сколько их затерялось в веках!). Например, при помощи хвоща, потомка гигантских доисторических каламитов. Клетки хвоща содержат много кремнезема, вот и использовали его стебель для шлифовки дерева. При этом движения совершались не вдоль, как надфилем, а поперек. «Наждачное» свойство хвоща очень просто проверить на собственных ногтях: стебелек срабатывает не хуже напильника из маникюрного набора.

Наждачную бумагу используйте сначала грубую и в самую последнюю очередь мелкую (микронную).

Надо ли покрывать фигурки лаком? Дело вкуса. Порой древесина имеет такую красивую собственную «кожу», такую текстуру, что просто жалко портить этот естественный переливчатый тон.

В древних захоронениях иногда находят деревянные

фигурки с неповторимым лаковым блеском. Но в том-то и дело, что лака на их поверхности нет. Откуда же этот чудесный блеск? Оказывается, фигурки отшлифо-

Фантазия + умение = ?

ваны костяной палочкой. При этом уплотнялись верхние слои дерева и одновременно получался благородный блеск. Многие считают его похожим на блеск старого серебра. Процесс полирования косточкой — длительный,

трудоемкий, но зато и эффект поразительный. Полировать можно только крепкую древесину, так как только она способна дать «серебряный» блеск. Древесину мягкую следует прежде укрепить специальным составом. Один из вариантов такого состава: в растопленный парафин добавляют немного скипидара. Полученный материал по густоте и вязкости напоминает мастику. Этой мастикой нужно смазать древесину, подождать, пока она высохнет, и натереть фигурку сукном до блеска.

Если на поверхности фигурки есть маленькие дупельца, трещины, мешающие композиции (бывают трещины, которые отвечают замыслу, их убирать не надо), то их надо спрятать, скрыть от глаз. Тут не обойтись без шпаклевки. Состав ее чрезвычайно прост: например, смешанные с клеем мелкие опилки. Более сложная по составу шпаклевка: три весовые части мела, одна — олифы и четверть части двадцатипроцентного клеевого раствора (допустим, 300 г мела, 100 г олифы и 25 г клеевого раствора). Зашпаклеванное место надо аккуратно зачистить.

Иногда глянешь на какую-нибудь из старых фигур и вдруг замечаешь в ней изменения. Да, действительно, она изменила цвет — потемнела. Раньше сияла белизной, а теперь словно покрылась загаром. Интересно: как это влияет на общий облик находки, лучше или хуже стала фигурка? Пожалуй, лучше, она приобрела благородство, которого раньше, может быть, ей не доставало. Эти изменения произошли без участия человека: действуют в недрах древесины природные силы и, подчиняясь таинственным законам, медленно, постепенно меняют ее цвет.

Безусловно, в этот подспудный процесс можно при желании вмешаться. Не ждать, какова будет фигурка через долгие месяцы, а самому ее отполировать. Однако надо помнить, что тонировка не терпит торопливости. Возьмите отшлифованную скульптурку и смочите ее теплой водой при помощи мягкой кисточки. Уверен, что, проделав эту простую операцию, вы недобрым словом помянете советчика. Будто вы и не тратили время на шлифовку, не наслаждались ощущением гладкости: поверхность стала шершавой, повывезли мелкие занозинки. Не пугайтесь, это закономерно. Пусть диковина

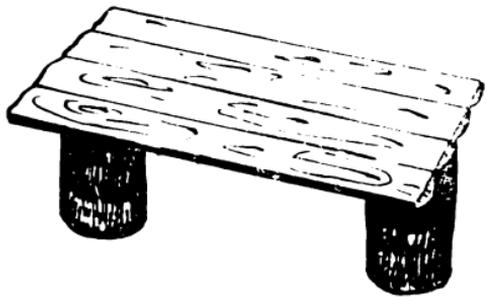
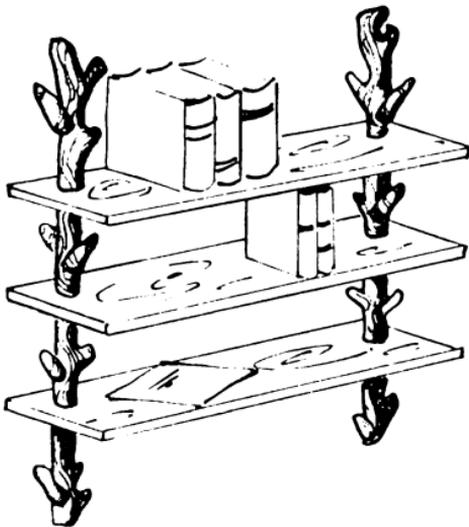
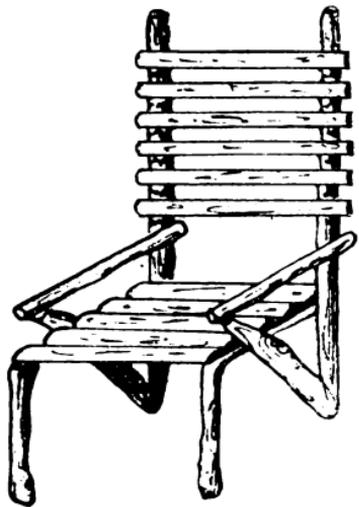
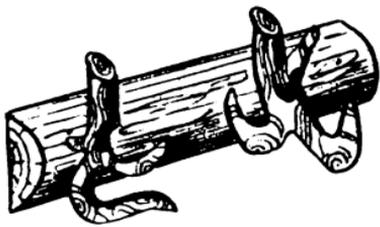
высохнет, а вы ее снова отшлифуйте и опять смочите водой. Эту операцию нужно повторить и еще раз. Вот только теперь влага дереву не страшна, можно смело тонировать — поверхность останется гладкой. Из способов подкраски древесины наиболее известны два: морение и протрава. Морилку получают из особых кислот на основе торфа и бурых углей, а вот протравы можно очень легко сделать самому. От их состава зависит и цвет оттонированной древесины. Протравы — одно-трех-процентные водные растворы солей меди (коричневый тон), железа (серо-зеленый и темный), хрома (золотисто-желтый), марганца (темно-коричневый).

Однако следует быть готовым и к еще одной неожиданности. Посмотрите на свое изделие: морилка или протрава легла не ровно, а растеклась несуразными пятнами. Дело в том, что по-разному впитывается морилка поперечными срезами и продольными волокнами — на срезах цвет темнее. Когда морилка просохнет, цвет станет ровным по всей поверхности, безобразные пятна исчезнут.

Если вы все-таки решили свою скульптуру отлакировать, имейте в виду, что лак тоже впитывается неравномерно. Но каждый последующий слой проявляет все более тонкие структурные извивы нежнейших волоконца, которые раньше, до лакировки, совершенно не были видны. Под разными углами освещения обычное дерево кажется дорогой породой: вроде бы очистили от грязи только что найденный алмаз, ограничили его, и он заиграл непредполагаемыми переливами.

Способы лакирования и полировки, приготовления протрав (помимо указанных) можно найти в соответствующей литературе по обработке дерева.

Во время лесных поисков случается напасть на погорелое место. Сучья и корешки, затронутые огнем, представляют также немалый интерес. Это заготовки, можно сказать, со стихийно обработанной поверхностью, ведь существует способ отделки древесины, особенно хвойных пород, при помощи паяльной лампы. На чем основан эффект обработки огнем? Все дело опять-таки в годовых кольцах, в их различной твердости. Весной и летом наращивается мягкий слой, а осенью и зимой — смолистый и твердый. Они-то и темнеют под влиянием огня. Мягкие же слои остаются светлыми. Их хорошо

Самородная мебель.

видно, когда очистишь горелый корешок металлической щеткой.

Материалом для подставки может быть и отрезок коряги, и гриб-трутовик, и отшлифованная дощечка, и даже камень — как подскажет собственная фантазия и сама заготовка. Уже знакомый нам «Фламинго» стоит на маленьком, плоском, обточенном морскими волнами камешке — приклеен к нему. Я пользуюсь для этого клеем ЭДП; он приготовлен на эпоксидной основе.

Кстати, где работать? Зимой, осенью, ранней весной, понятно, в помещении. Летом можно прямо во дворе — и мусора дома меньше, и приятнее на свежем воздухе присесть на табуретку с инструментом и заготовками в руках. Впрочем, почему на табуретку? Пусть и сиденье наше тоже будет лесной диковиной. Издавна в народе занимались изготовлением так называемой самородной мебели. Она и в самом деле в лесу родилась. Из развилок некоторых подходящих деревьев с незапамятных времен крестьяне умели мастерить стулья, очень похожие на настоящие. Расколотый пополам сучковатый ствол дает сразу две скамейки — расщепленная поверхность является сиденьем, а сучки — ножками. Одно удовольствие работать, сидя на такой скамеечке. Самодельная скамейка, в руках корень и самодельный инструмент. Самодельный? Да. Отличный нож для работы можно, например, изготовить самому из отслужившего свой срок ножовочного полотна.

Полотно нужно брать стальное, из легированной стали. Необходимая форма ножу придается с помощью точила (наждачного круга). Нельзя сказать, что это совсем легкая задача, она требует терпения — материал достаточно твердый. В процессе заточки полотно нагревается, надо следить, чтобы нагрев не дошел до красного каления — произойдет отжиг, и инструмент быстро затупится. Допустим, вы обзавелись несколькими полотнами. Какое из них выбрать? Ответ дает наждачный круг: то полотно, из которого при заточке высекаются самые неяркие, тусклые «брызги» искр, и надо брать. Теперь возьмите плоскогубцы и отломите отрезок нужной длины. Ломайте так, чтобы сохранить край с отверстием (они на полотнах есть с обеих сторон). Для ручки вполне подойдет кусочек березовой древесины. Есть отверстие в полотне, есть две березовые накладки

(в них тоже следует просверлить отверстия), остается сделать заклепку из алюминиевой проволоки подходящего диаметра и расклепать ее.

...Конечно, надо придерживаться отдельных правил, но, как во всяком творчестве, у каждого и в этом деле путь свой, и каждый сам определит себе круг необходимого, чтобы, основываясь на нем, делать открытия и находки. Как сказал композитор Роберт Шуман: «Давьется всегда вокруг цепи правил серебряная нить фантазии!»

ГИМН УВЛЕЧЕНИЮ

«...В том человека украшенье
И честь, живущая века,
Что сердцем чует он значенье
Того, что делает рука».

Ф. Шиллер

Как-то попалась мне на глаза небольшая заметка в газете. В ней шла речь об исследовании польских психологов, которые выявили чрезвычайно интересную закономерность: коллекционеры, как правило, живут дольше неколекционеров.

И действительно. Коллекционирование вызывает положительные эмоции, благотворно влияющие на весь организм в целом. Смена деятельности снимает утомление, радость общения с коллекцией успокаивает нервную систему. Например, есть у меня знакомый филателист, теперь уже пенсионер. В другом конце города живет его коллега по увлечению. По телефону он сообщает моему знакомому, что может предложить кое-что интересное на обмен. И пожилой человек, забыв о своих болезнях (когда болеть — недавно приобретенные марки еще не успел разложить в кляссеры), едет в приподнятом настроении, в нетерпеливом ожидании встречи, едет, как говорится, за семь верст киселя хлебать из-за какой-то марки! Для него она не «какая-то», нет! Выводы психологов можно отнести не только к коллекционерам, но и вообще ко всем увлеченным людям, каким бы их

увлечение ни было. Выходит: корешки собираешь — жизнь свою продлеваешь!

Конечно, далеко не всякая коллекция имеет общественное значение, бывают и просто абсурдные коллекции. Мало того, случаются в коллекционировании и нежелательные крайности. Представим себе: днем сидячая работа, вечером та же картина — согнутая над столом фигура, бесконечное рассматривание и перекладывание элементов коллекции. Еще возможный минус: долговременная навязчивая идея — достать редкую вещь, марку или, допустим, монету. Опять-таки вредно. Почему? В головном мозгу постоянно присутствует очаг возбуждения, подавляющий все другие полезные наклонности, мешающий основной работе или учебе. И в увлечениях надо соблюдать меру.

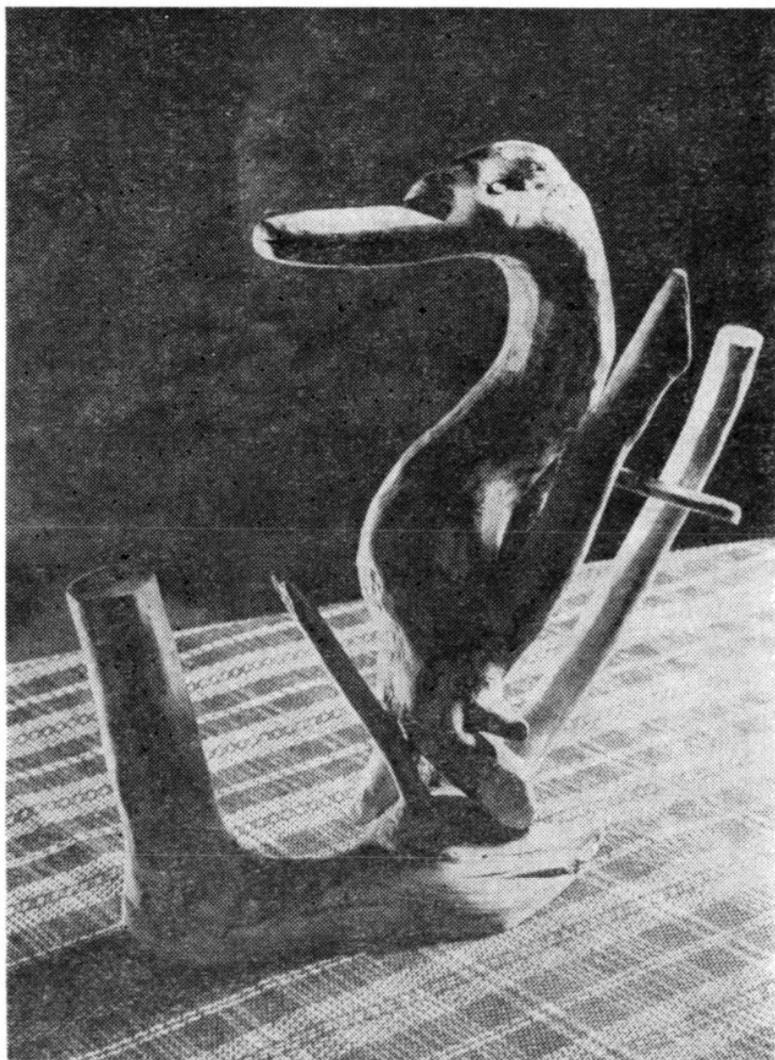
Наше увлечение — польза, с какой стороны ни посмотри. Во-первых, движение обеспечено, и какое, в какой благодатной среде! Бродишь по лесу, всей грудью вдыхаешь запах деревьев, трав, прелой листвы... Во-вторых, нет узкой всепоглощающей мысли достать какую-нибудь редкость. Мы не знаем, что отыщется в очередной раз, но если находка состоится — она всегда редкость. Такой нет и никогда не будет ни у кого. Увлечение малой лесной скульптурой возникает на основе любви к природе, на основе стремления к общению с ней.

Стылые зимой, жаркие летом каменные степы домов. Асфальтовые ручки улиц, стекающие в бетонные реки магистралей. Рычат двигатели, кричат транзисторы. Все окружающее нас, городских жителей, что создал человек на радость себе и на мучение, Алексей Максимович Горький назвал «второй природой». И все чаще и чаще возникает желание хотя бы ненадолго окунуться в природу «первую». Человека зовет лес. Без общения с природой не может быть гармонии души. Михаил Пришвин сказал: «Человек, любующийся природой, не Нарцисс, а «Гадкий утенок», впервые благодаря природе понимающий в себе лебедя».

Охотник за естественными сувенирами только там, на лоне «первой» природы, отыщет свою добычу — корни, которые не столь чудодейственны, как корни женьшеня, излечивающие болезни тела, но обладают такой же исцеляющей силой для души. Увлечение лесной

скульптурой требует непосредственного контакта с лесом, и в этом его первая полезность.

Любое увлечение всегда связано с направленным расширением кругозора. Если, к примеру, филателист

Эта коряжка напоминает мне Серую Шейку.

интересуется историей события, отображенного маркой, то охотник за корешками будет читать книги о Коненкове, Эрзе, будет искать иллюстрации, показывающие их работы. Фигуры, сделанные ими, но сохранившие

выдумку природы, одухотворены руками великих мастеров. Результаты труда природы и человека в их творениях слились воедино.

Увлеченный охотник за корешками будет собирать литературу о резьбе по дереву, о всевозможных лесных поделках. Он будет искать, находить и читать книги о лесах и деревьях, о древесных породах, их свойствах, обо всем, что связано с деревом и лесом.

Вот растет стопка прекрасных книг, образующих в домашней библиотеке раздел, который можно назвать «Природа и фантазия». Как много говорят одни названия: «Деревянная книга», «Дерево рассказывает сказки», «Лесные диковины»... Многие корешки, получившие имя и «прописку» у меня дома, активно влияли на круг моего чтения. Например, «Мефистофель». Он прямо-таки заставил вчитаться в «Фауста» Гете, а потом и в литературный комментарий к нему.

Я привел только один пример. А если вспомнить о других фигурках из моей коллекции, вероятно, получилась бы целая книга с таким, допустим, названием: «По следам лесных находок».

Охота за лесными диковинами воспитывает художественный вкус, развивает фантазию, является одним из лучших лекарств против болезни, имя которой «ничего-неделание», когда свободное время, как это ни странно, в тягость.

Ничто так не приносит радость, как творческий труд — осознание своей умелости, удовлетворенность от уже сделанного, волнующее предвкушение предстоящей работы. В ваших руках ветка березы или сучок солнечной сосны. Глаза пристально осматривают заготовку, пальцы трепетно ощупывают ее. В содружестве зрения и осязания рождается идея, как дополнить или выявить то, что задумала сама природа. Соавторство с ней развивает и трудовые навыки: ведь руки человека существуют для того, чтобы держать инструмент, владеть им.

Подумайте, сколько удовольствия вы испытаете, когда, сделав, пусть самую простую, фигурку, почувствуете себя творцом, сколько радости доставите родным, друзьям, товарищам. Вы сможете им подарить диковину, которую нельзя купить (на то она и диковина!) и в самом большом магазине...

Лесные сувениры, украсившие ваше жилище, постоянно напоминают о тех местах, где они были найдены, о счастливых часах дальних прогулок и приглашают снова пережить радость поисков и удивительных находок.

Есть такое выражение: «Отрава книгой — самая целебная, способствующая долголетию человека отрава». Увлечение скульптурой из корешков — такой же целебный «яд».

Если вдруг кто-то, говоря об увлечении, скажет вам, что нечего заниматься ерундой, отвлекаться от главного, — не верьте такому человеку. Когда-то действительно ученые-психологи считали: расплыться нельзя, надо посвятить себя одному. Классический пример множественности устремлений — английский физик Томас Юнг. Не только физик, но и врач, астроном, геодезист, математик, историк, ботаник и... канатоходец в цирке. Увлечений у него было больше, чем щупальцев у осьминога. И в каждой области им был оставлен заметный след. Так вот, о нем говорили, что если бы Юнг занимался только физикой, то сделал бы в ней больше. Но он и так в ней много сделал — как говорится, дай бог каждому.

Позднее стали придерживаться иного мнения: правильно делал Юнг, одно его занятие дополняло другое, вместе они — третье и так далее. Увлечение — всегда помощь основной работе, какой бы она ни была.

Лесная скульптура подчиняется общим для всего искусства принципам — в ней есть гармония, присутствует ритм. Из бросового материала появляется красота, рожденная природой, но проявленная человеком.

Способности живут в каждом человеке, потому что каждому свойственно желание сотворить новое. Однако часто эти способности пребывают во сне, и порой им трудно проснуться — всегда легче махнуть рукой: «Да где уж мне!» Неверие в себя — вот сторож, стерегущий покой спящих способностей. Найдите корешок, посмотрите у природы идею, приложите руки — и кто-то скажет: «Ты погляди, на что, оказывается, он способен. Талант, да и только!»

Известный писатель и большой знаток природы Владимир Солоухин свою книгу о грибах назвал «Третьей охотой». Назвал не без основания. Первые две — по

книгам С. Аксакова — это рыбная ловля и охота с ружьем.

А разве для поиска лесных диковин не характерен азарт охоты, разве интересный корешок вызывает мень-

Один из трофеев «четвертой охоты».

ший душевный трепет, чем найденный гриб? Это самая настоящая охота — со всеми удачами и огорчениями, открытиями и приключениями. Мало того, это охота с

продолжением, потому что многие трофеи нуждаются в доработке.

И если есть охота первая, вторая и третья, то поиск лесных диковин под опавшей листвой мы можем с полным правом назвать четвертой охотой. Она ничего не уничтожает, ничего не губит, все живое остается в неприкосновенности, она, наоборот, тому, что отжило в лесу, дает новый век на радость людям.

Эта охота вырабатывает внимательность и сосредоточенность взгляда, учит понимать красоту, дает заряд бодрости и здоровья. И самое главное — учит видеть необычное в обычном, чему можно научиться. В подтверждение приведу слова известного скульптора А. С. Голубкиной: «Мне скажут, что способность видеть врожденна и не от нас зависит. Но я наверное знаю, что способность видеть может развиваться до большего проникновения. Многого мы не видим только потому, что не требуем от себя этой способности, не заставляем себя рассматривать и понимать, пожалуй, вернее сказать, не знаем, что можем видеть».

Охотник должен быть зорким.

Успехов вам в четвертой охоте, друзья!

СОВЕТУЕМ ПРОЧИТАТЬ

Абросимова А. А., Каплан Н. И., Митлянская Т. Б. Художественная резьба по дереву, кости и рогу. — М.: Высшая школа, 1978.

Александрова Э. М. Когда оживают сосновые чешуйки. — М.: Детская литература, 1979.

Аранович Л. Удивительное рядом. — М.: Детская литература, 1969.

Вишневская В. М., Каплан Н. И., Буданов С. М. Русская народная резьба и роспись по дереву. — М.: КОИЗ, 1956.

Елкин В. Дерево рассказывает сказки. — М.: Просвещение, 1978.

Жукова А. Природа и фантазия. М.: Просвещение, 1971.

Коненков С. Т. Мой век. — М.: Политиздат, 1971.

Лаптев А. Лесные диковины. — М.: Детская литература, 1961.

Мартенссон А. Начнем мастерить из древесины. / Пер. с англ. — М.: Просвещение, 1979.

Матвеева Т. А. Мозаика и резьба по дереву. — М.: Высшая школа, 1981.

Меликсетян А. С. Юному любителю мозаики. — М.: Просвещение, 1979.

Митяев А. Корешки. Юный техник, 1965, № 10, с. 59.

Митрофанов Г., Деревянко Г., Панина Л. Из 1001 мелочи. — М.: Молодая гвардия, 1972.

Мэльдер А. Поговорим о дереве. — В сб.: Чтобы жили стены. — М.: Молодая гвардия, 1969.

Старковская Н. Кусочек леса в нашем доме. — В сб.: Чтобы жили стены. — М.: Молодая гвардия, 1969.

Покровский С. Лесная древесная скульптура. — В сб.: Ромашка-3. — М.: Молодая гвардия, 1973.

Серебренников Н. Н. Пермская деревянная скульптура. — Пермь: Пермское книжное издательство, 1967.

Федотов Г. Лесная скульптура. — В сб.: Прекрасное своими руками. — М.: Детская литература, 1979.

Шим Э. Деревянная книга. — Л.: Детская литература, 1965.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЧУВСТВУЙТЕ КРАСУ ПРИРОДНЫХ ФОРМ!	5
У КАЖДОГО СВОЙ ПУТЬ	10
НЕ ТОЛЬКО СКАЗКИ...	17
«ДРОВАМИ ЗАПАСАЕТЕСЬ?»	20
«ЦЕПЬ ПРАВИЛ» И «НИТЬ ФАНТАЗИИ»	33
ГИМН УВЛЕЧЕНИЮ	43
СОВЕТУЕМ ПРОЧИТАТЬ	50

ЮРИЙ НИКОЛАЕВИЧ ПРОСТАКОВ

СКАЗКИ
ПОД ОПАВШЕЙ ЛИСТВОЙ

Фотографии В. Сенкевича

Для среднего
и старшего возраста

Зав. редакцией *И. Лепин*
Редактор *В. Букур*
Младший редактор *Л. Рубцова*
Художник *В. Аверкиев*
Художественный редактор *М. Курушин*
Технический редактор *В. Чувашов*
Корректоры *И. Пархомовская,*
Е. Соколова

ИБ № 889

Сдано в набор 26.04.82. Подписано в печать 3.08.82. ЛБ06397. Формат бумаги 84×108¹/₃₂. Бум. тип. № 1. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл.-печ. л. 2,94. Усл. кр.-отт. 5,88. Уч.-изд. л. 2,332. Тираж 15 000 экз. Заказ № 406. Цена 10 к. Пермское книжное издательство. 614000, г. Пермь, ул. К. Маркса, 30. Книжная типография № 2 Управления издательств, полиграфии и книжной торговли. 614001, г. Пермь, ул. Коммунистическая, 57

П82 Простаков Ю. Н.

Сказки под опавшей листво́й. — Пермь: Кн. изд-во, 1982. — 51 с.

Эта книга предназначена для подростков. В ней говорится об умении из «отбросов» природы — корешков, веток, причудливой формы щепок — изготовлять занимательные и полезные поделки.

П 70803—59 18—82
М152(03)—82